

Сергей Шабалин

Время тревоги нашей

«Это только попытка рассказать о поколении, которое погубила война, о тех, кто стал ее жертвой, если даже спасся от снарядов», — гласит эпиграф к знаменитому роману Эриха Марии Ремарка «На западном фронте без перемен». Еще совсем недавно вряд ли можно было предположить, что роман участника Первой Мировой войны, изданный в неизмеримо далеком 1929 году, вновь окажется востребованным в литературном дискурсе современности. Однако название новой книги стихов Геннадия Кацова «На Западном фронте», посвященной потрясшим Америку и мир событиям 2020 года, — более чем очевидная отсылка к книге Ремарка:

на площадь не сунься, не выйди в подъезд —
в театре военных, объявленных действий
посадочных хватит на каждого мест,
включая детей, чтоб испортить им детство

Понятно, что речь идет о смертоносной вспышке коронавируса, равно как и о расовых беспорядках невиданного прежде масштаба, захлестнувших Америку в прошлом году. Одно потрясение самым чудовищным образом наложилось на другое и, возведенное в квадрат, заставило планету вздрогнуть. Уже подоспела годовщина рокового весенне-летнего времени, но эпидемия продолжается, и вопросов по-прежнему больше, чем ответов. 2020 год — что это было? Давняя, затянувшаяся и перешедшая в метастазы болезнь общества? Восстание масс, прелюдия к войне?..

Судя по названию книги, ее оформлению (в качестве виньетки на страницах сборника изображено ружье), а самое главное —

по содержанию книги, автор убежден в том, что мы — свидетели новой, сверхсовременной и странно-гибридной войны. Войны, в которой контуры врага порой плохо различимы, а театр боевых действий непредсказуемо подвижен.

Книга разделена на три части. Первая из них называется «Ковидии. Стихи карантинного времени». Здесь доминирует минорно-сосредоточенная интонация, реминисценции реалий совсем недавнего, но, возможно, безнадежно утраченного, по ощущениям автора, прошлого:

вечером выйдешь к океану сопереживать закат
без перчаток и маски, что в последнее время
подарок,
и попадаешь невольно в недавнее прошлое
за так,
в докарантинную, словно декоративную,
эпоху задаром

Навеянные новой реальностью мысли, картины и образы, как правило, мрачны, но предельно точны и правдивы. Предпринятые властью антиковидные меры (разумны они или нет) превратили жизнь в тотальный полицейский кошмар, папахивающий диктатурой, где даже обычная прогулка в парке выводит на неизбежную тропу угрюмых раздумий, пронизанных ощущением опасности, а безобидные тополя и клены предстают в облике суровых стражей нового порядка:

иное имеет значение «ствол» —
в него от корней поступают патроны,
и тополь (сержант) прошлогодней листвой
стреляет с двух веток раскрывшейся кроны

Да, невесело время, герой которого ностальгически вспоминает о таких банальных и некогда общедоступных вещах, как, скажем, посещение питейных мест по вечерам:

Геннадий Кацов. На Западном фронте: Стихи о войне 2020 года. — М.: Формаслов, 2021.

«ещё ты помнишь январь-то?/ пар изо рта, бычки в снегу./ под пневматические ритмы/ из тёмных баров — трубный гул». Неестественна жизнь, в которой простые удовольствия постепенно становятся чем-то вроде реликта. Но даже убогость подобного существования меркнет в сравнении с «первыми выстрелами» гражданской войны. Если соотнести вышеупомянутые события на шкале экзистенциального ужаса, то «Ковидии», безусловно, меркнут в сравнении с «Актуалиями. Хрониками военного времени» — вторым разделом книги Геннадия Кацова.

Представленные в книге стихи сотканы из аллюзий, центонов и, если так можно выразиться, настоянных на центонах строчках. (Например: «достать “шанель”, пойти домой...», «я с детства не любил напалм...» — Окуджаву и Павла Коган, соответственно. Характерный для автора прием, который можно определить нехитрой формулой «центон + авторская импровизация».) Метафоры Кацова, как правило, искусны и неожиданны. Однако иные его строфы впечатляют именно отсутствием желания впечатлить — почти тривиальной, но наделе — разяще-откровенной точностью. Так бывает, когда речь идет об общественных недугах, известных всем и замалчиваемых всеми. Замалчиваемых до тех пор, пока не находится человек, который больше не намерен не замечать очевидного: «повсюду призрак психбольницы/ диагноз признан, но лечиться/ нет времени, пространства, сил...»

С некоторых пор герой книги живет в атмосфере гнетущего страха: «так и умрешь, семью не защитив,/ без пистолета и к нему патронов...», в режиме предошущения новых трагедий и отнюдь не беспочвенных кошмарных видений: «толпа всё заполняла твой квартал,/ затем этаж, сейчас уже квартиру,/ и ты врубился: коль твой час настал —/ не нужен ты ни городу, ни миру».

В этой новой американской трагедии слезы чередуются со смехом, а ужас соседствует с абсурдом, и все становится возможным, особенно на экране телевизора. Даже столь фантастический сюжет, как поединок по джиу-джитсу между Дэвидом Боуи и... Сергеем Есениным:

я не из тех, кто по вечерам выбирает боулинг,
я выбираю тебя — моего джина в джинсах:
давай закажем поединок есенина с боуи
на канале эйч-би-чмо, средний вес
в джиу-джитсу

Телевидение, манипулирующее массовым сознанием в политических целях, — отнюдь не новость, но прошлыми весной и летом стало очевидным, что через ТВ, помноженное на сетевые ресурсы, можно протолкнуть все что угодно. Любая ахиния в привлекательной обертке, любая ложь и подтасовка фактов спокойно проглатываются под «чипсы и Будвайзер».

Впрочем, несмотря на то, что «досок с гвоздями и бейсбольных бит/ сполна припасено для разговора», автор (или его герой, в этой книге они почти неотделимы) не повержен и эффектно превращает кошмар в самоиронию: «к беде колокола в ушах звенят!/ как тут не закурить, хотя и бросил:/я долго думал, что реальный ад —/ смешать текилу и мартини-росси». Но у реального ада несколько иная рецептура. Его отблески видятся, скажем, в том, с каким упоением и азартом молодые американские радикалы уничтожают памятники, ставшие для них, по сути, исторической абстракцией. В подавляющем большинстве случаев разрушители и вандалы ничего (или почти ничего) не знают о персонажах, увековеченных в камне, однако весной-летом 2020-го они (бунтовщики) — ни много, ни мало — вершители судеб мира. Все это напоминает поэту отечественную историю, снос монументов на пепелище Октябрьской революции и российские реалии начала 1990-х годов. Ведь мы наблюдаем не просто снос памятников, а смену эпох:

бредёшь по руинам разрушенных скверов,
что повод не есть для сердечных ударов,
ведь столько активных здесь, как пионеров-
тимуровцев в лучших рассказах гайдара

Подобные картинки чередуются с нарезкой новостных кадров массового разграбления магазинов и торговых центров от Нью-Йорка до Монреалья, впечатляющими лозунгами антифа и BLM или, скажем, продолжавшимися захватами радикалами почти месяц центра Сизла и четыре — Портленда, и общая картина

гражданского противостояния (чтобы не сказать — войны) становится законченной. Здесь не важно, по какую сторону баррикад находится очевидец, ведь пуля (бейсбольная бита), как известно, не выбирает: «а ночами вообще зер гут:/ жжём машины, магазины грабим,/ можно бабу трахнуть на бегу —/здесь нет копов, значит, нет и правил».

Познакомившись с натурными зарисовками кацовского ада, читатель ожидает апогея ужасов в третьей части книги — ожидаемым финалом «Ковидий» и «Актуалий» могла бы стать глава под названием «Апокалиптии». Но фокус внимания автора резко смещается. «Персоналии. От первого лица» — называется эта часть. «Уйдя в себя на фоне адовом» и «снямая пустоту покадрово», на первый план выходит сам автор книги — его мысли о собственной жизни и его раздумья о вечном, о бездонной вселенской пустоте, об уходящем — в полете снежинок и шелесте листьев — времени:

их в тёмном контуре наклон
осеннюю скрывает тайну,
и бледный лист — снежинки клон —
теней касаясь, тут же тает

Ничем не успокаивая своего собеседника-читателя, по факту автор все же дарит ему надежду: да, мы живем в тяжелое, даже страшное время, но поблагодарим судьбу, Бога или молекулярное стечение обстоятельств за то, что мы вообще здесь — за утреннюю чашку кофе и свежую газету, наконец:

поскольку, судя по газете, я
попал в сей час в 2020-й
о чём мечтать лет пятьдесят назад
в том тыща девятьсот семидесятом
не мог у автоматов с газводой
в автобусах икарусного типа

Разве это не сногшибательно само по себе — из эпохи «Икарусов» и автоматов с газводой переместиться в «пейзаж эппллов или нокий, как будто писанный в кватроченто»?! Ведь у нас есть два пути: или, подобно кацовскому капитану, забившему на жизнь, умереть раньше смерти:

и набьёт крепко в трубку
капитан табачок
смерть бывает без трупа
будто жизнь ни при чем...

или, несмотря на поистине трагические, однако не фатальные реалии 2020 года, уверовать в то, что жизнь все-таки, простите за банальность, — чудо, равно как и в то, что искусство, в частности поэзия, — чудо, а чудо должно победить, не так ли?

гул машины для мойки посуды —
мой любимый трехстопный анапест:
хочешь — верь, что поэзия чудо,
хочешь — нет, и пошли её на фиг

Что ж, жизнь заявит о себе сама, а в чудо, в творчество и в чудотворство нас заставляет поверить поэзия Геннадия Кацова. В частности, его новая, десятая по счету книга.